

Се Тин увидел, как Сы Жун в замешательстве замер на месте, и понял, что его собственные слова прозвучали сбивчиво и бессвязно.

Его взгляд задержался на влажных, алых губах Сы Жуна. На бледной, словно припорошенной инеем коже проступил легкий румянец, а две стройные ноги, безвольно свисавшие в воздухе, мелко подрагивали.

— Нельзя, — Сы Жун напустил на себя строгий вид и решительно отказал.

Кем он его считает? Как можно одновременно ненавидеть его и при этом позволять себе такие интимные вольности?

Сы Жун опустил голову, теребя пальцами край одежды. Се Тину была видна лишь его макушка с мягкими, слегка завивающимися каштановыми волосами.

— Сы Жун, это ты просишь о помощи, а значит, это честная сделка.

Се Тин приподнял веки, глядя на него с легким прищуром.

Как Сы Жуну удастся выглядеть так, будто его хочется дразнить и обижать, причем неважно, в каком смысле? Он не только хрупкий с виду, но и сам по себе крошечный, и говорит, и двигается так, словно постоянно ластится, будто стоит приложить чуть больше усилий — и он растает, превратившись в воду.

Се Тин сделал еще шаг, сокращая дистанцию, и уперся руками в край стола. Сы Жун оказался в ловушке его рук, по-прежнему пряча взгляд под опущенными ресницами.

Терпение никогда не было сильной стороной Се Тина. Не раздумывая, он ухватил Сы Жуна за подбородок, заставляя поднять голову, и прижался губами к его нежно-розовой щеке, оставив несколько влажных поцелуев.

— Ладно, на этот раз хватит, — равнодушно бросил Се Тин, чувствуя, как зуд, терзавший его сердце, немного утих после того, как он прикоснулся к Сы Жуну.

— Больше этого не повторится, — тихо прошептал Сы Жун.

Лампа в общежитии мигнула, издав странный электрический треск. Грозный, но по-детски беззащитный вопрос, готовый сорваться с губ Сы Жуна — мол, что будет в следующий раз, — застрял в горле. Он с влажными глазами принялся изучать лицо Се Тина, на котором тоже отразилось недоумение.

Их телефоны завибрировали почти одновременно. На экране светилось ярко-красное

уведомление.

Все выжившие должны немедленно явиться в комнату отдыха на верхнем этаже мужского общежития ровно в шесть часов вечера.

Сы Жун на ходу разблокировал экран и, мельком взглянув на сообщение, мгновенно побледнел. Он выглядел совершенно растерянным:

— У тебя такое же сообщение, как у меня?

Се Тин, сузив свои темные глаза, схватил одну из своих широких курток и накинул ее прямо на голову Сы Жуну. Куртка была велика даже ему, а на хрупкой фигуре Сы Жуна и вовсе смотрелась комично: она закрывала его с головы до пят, скрывая под тканью все — от тонкой белоснежной шеи до подколенных впадин.

Он был похож на ягненка, попавшего в логово волка. Се Тин усмехнулся и медленно, осторожно застегнул молнию. Кожа у Сы Жуна была невероятно нежной — он помнил это с самой первой встречи: стоило молнии хоть немного задеть ее, как оставался след, будто от побоев.

Свет в спальне начал мигать все чаще, словно безмолвно подгоняя их.

Сы Жун нахмурился, наблюдая, как Се Тин перерывает все шкафы. Тот то отбрасывал одну вещь, жалуясь, что она слишком большая, то другую, называя ее безобразной, пока наконец не нашел пару меховых тапочек и не сунул их на ноги Сы Жуну.

Тот замер. Он что, искал для него обувь?

Почему все люди в этом инстансе такие противоречивые и странные?

— Шевелись, — Се Тин взглянул на часы. — Осталось меньше шести минут.

На верхнем этаже мужского общежития было всего несколько комнат, а почти весь этаж занимала комната отдыха, куда обычно никто не заходил.

Все думали, что это просто склад всякого хлама, и никто не ожидал увидеть там роскошный, величественный зал.

Тусклый свет ламп падал на холодный мраморный пол, в котором отражались лица присутствующих. Огромные окна от пола до потолка были задернуты темно-красными шторами, отчего в помещении было мрачно и зябко.

Сы Жун толкнул старую деревянную дверь и, подавив удивление, принялся внимательно осматривать зал. Внутри уже собралось много людей.

Все они были бледны, лица выражали крайнюю степень напряжения. В воздухе слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание. Атмосфера была гнетущей, никто не решался заговорить первым.

— Здесь нельзя разговаривать? — мысленно спросил Сы Жун у Системы.

От этой сцены мороз пробежал по коже: люди, наделенные сознанием и разумом, превратились в безвольных марионеток, скованных страхом.

0528 ответило: Правила создаются людьми, ими же они и нарушаются.

— Можно как-то понятнее... — Сы Жун в растерянности последовал за Се Тином.

— Сы Жун, ты куда?

Холодный голос нарушил тишину, и в ту же секунду все присутствующие, как по команде, повернули головы в их сторону.

Затем кто-то робко попытался заговорить, и, убедившись, что правила не нарушаются, по залу пронесся гул голосов. Смерть и боль — то, что вызывает наибольший резонанс. Шесть часов в постоянном страхе сделали свое дело: лица парней исказились от отчаяния и ярости.

Сы Жун обернулся на голос и встретился взглядом с черными, как холодное озеро, глазами Цзи Цзинцы. Даже его безупречная школьная форма казалась пропитанной ледяным холодом.

Сы Жун, утопающий в чужой широкой куртке, с воротником, скрывающим половину лица, и обнаженными стройными ногами, выглядел так, будто под курткой на нем больше ничего не было.

Цзи Цзинцы бросил короткий взгляд на Се Тина, стоявшего рядом с Сы Жуном. Се Тин, услышав свое имя, обернулся, и в его глазах промелькнула тень.

Почувствовав, как температура в помещении упала еще ниже, Сы Жун невольно вздрогнул. Он все еще чувствовал себя виноватым перед Цзи Цзинцы, поэтому ответил максимально вежливо и мягко:

— Я и сам не знаю куда. Ты что-то хотел?

Время поджимало, людей становилось все больше. Струна, натянутая в сердцах каждого,

звенела все сильнее — никто не знал, какая жестокая игра ждет их впереди.

Цзи Цзинцы окинул зал долгим взглядом, сжал губы в тонкую линию, и его отчужденность стала еще заметнее. Он провел чистыми пальцами по нежной щеке Сы Жуна и размеренно произнес:

— Ты вел себя плохо.

Странная фраза, сказанная ровным тоном, заставила сердце Сы Жуна сжаться.

Он захлопал своими ясными, как стекляшки, глазами и медленно ответил:

— Я нет...

Не успел он договорить, как воздух, казалось, застыл. Зал погрузился в пугающую темноту, и под сводами раздался безжизненный механический голос:

[Опоздавшие выбывают]

Автоматические шторы распахнулись, и прозрачные окна начали медленно ползти вверх. Невидимая, непреодолимая сила потянула нескольких крупных парней к проемам.

Они отчаянно сопротивлялись, цепляясь за несущие стены, стулья, за своих знакомых, но в следующее мгновение их конечности безвольно повисли, будто омертвели.

Окна-людоеды проглотили кричащих парней, и звуки падения тел о землю эхом донеслись до верхнего этажа.

[Количество выживших: двести девяносто восемь]

[Порядок участников изменен случайным образом. Второй раунд Прятки — начинается]

Услышав о смене порядка, Сы Жун запаниковал. Хотя Се Тин был пугающим и часто хмурился, Сы Жун доверял ему — по крайней мере, они были знакомы, и Се Тин не из тех, кто бросит в беде.

В темноте Сы Жун ничего не видел, но почувствовал, как к нему приблизилось несколько теплых тел.

Се Тин сжал его ладонь, показывая, чтобы он не боялся, и мимолетно коснулся его растрепанных волос.

Кто-то другой, гораздо выше ростом, наклонился к нему. Сы Жун чувствовал на себе его пристальный, жгучий взгляд.

Сы Жун поднял мягкую руку и прикрыл губы, вздрогнув от легкой боли, словно его только что укусили.

А что же делает Цзи Цзинцы?

<http://bllate.org/book/20943/2123123>